

Вера Лаврина
(Вера Леонидовна Правда)

21 ноября 1956 г., с. Лавровка, Кокчетавская обл., Казахская ССР.

Прозаик, поэт, детский писатель.

Член Союза писателей России с 2009 года.

КТО НАИБЕДНЕЙШИЙ?

Жил Панкрат, был Панкрат весел и богат. К его деньгам деньги так и сыпались, так и липли.

«Вот, – думает он, – все мне Господь дал, не обидел. Надо и мне теперь доброе дело сделать». Решил он наделить богатством самого наибеднейшего, чтобы от нищеты его избавить, на счастливый путь поставить.

«Одним бедняком меньше станет, одним счастливчиком больше, да и мне в зачет доброе дело пойдет», – рассудил Панкрат.

Стал он думать, как найти ему самого наибеднейшего.

«Если бросишь клич: приходи, наибеднейший, дам тебе добра-богатства – набежит гольтьба, будут животы впалые нести, лохмотьями трясти. Богатства моего на всех не хватит. Найду я сам наибеднейшего, его и награжу богатством», – решил Панкрат.

Приказал он возле торной дороги вырыть яму глубокую, такую, чтобы трудно было из нее выбраться. Бросил в нее медный пятак.

«Ну, – думает, – только самый что ни на есть бедный в эту яму за пятаком прыгнет». Сам спрятался неподалеку, стал ждать.

Видит, идет мужичок, видом не беднячок, сапоги ладные, штаны изрядные. Заглянул он в яму, увидел медный пятак – забегал, заметался вокруг. Хотел и прутиком пятак достать, и петельку на него накинуть. Ничего не выходит. Прыгнул тогда он в яму, достал пятак, едва-едва выбрался. Пошел дальше довольный.

Панкрат его догоняет:

– Постой, прохожий человек! Скажи мне, зачем ты медный пятак из ямы достал? Видом ты не бедный...

– У меня характер такой, – отвечает прохожий, – я как какую копейку увижу, тут же хочу ее прикарманить. А по-иному добра не накопишь, – хлопнул мужик по карману, где медный пятак лежал.

«Тю-ю-ю! Этот не бедный, – думает Панкрат, – он жадный». Махнул с досады рукой, другой пятак в яму бросил, спрятался опять и стал ждать.

Идет по дороге солдатик, шаг печатает. Дошел до ямы, заглянул в нее – прыг туда! Выкарабкался с пятаком, пяточок положил на дорогу и дальше пошел.

Панкрату невдомек, зачем он это сделал. Догнал солдатика и спрашивает:

– Скажи мне, служивый, ты зачем медный пятак из ямы достал и на дороге его оставил?

– Достал для тех, кому пяточок – деньги, – отвечает солдатик. – Пусть они возьмут его. Не всякий из этой ямы вылезет, особенно больной или старый. А то нужда загонит в яму, а оттуда – никак. Будет в яме сидеть, горемычный.

«Этот не бедный, этот добрый, – понял Панкрат. – Вишь ты, какие в нашем царстве-государстве солдатика служат!»

Взял он медный пятак, снова в яму его бросил. Ждал недолго. Видит, идет по дороге мужичонка, худая одежонка. От картуза один козырек, от башмаков – шнурок. Подошел к яме, увидел медный пятак, поглазел, потоптался, плюнул, махнул рукой и дальше пошел.

Панкрат удивился стократ. Догнал он мужичонку и спрашивает:

– А ты, мил человек, почему в яму за пяточком не спустился? Хоть бы картуз себе новый справил.

– И-и-и, буду я по ямам прыгать! Я сейчас в город приду, на базарной площади сяду, кружечку свою выставлю – мне этих пятаков накидают... Пять дюжин – и на обед, и на ужин. Во как!

Покачал Панкрат головой: «Это не бедный, а ленивый. Такому хоть воз добра дай – все равно толку не будет».

– Нет, не разберешь с этими деньгами, кого богатством награждать, – ворчит Панкрат, – богатый в яму за пятаком лезет, а бедный рукой махнет да мимо идет.

Решил Панкрат другое испытание устроить, чтобы самого наибеднейшего отыскать. Взял он пару башмаков старых-престарых, заплаткам на них тесно, а пальцам просторно: они в дырку высовываются.

«Такие, – думает, – только наибеднейший и подберет». Бросил он их посередине дороги, сам неподалеку спрятался.

Видит, идет странница. Увидела она старые-престарые башмаки, подняла и засунула себе в узел.

Догнал ее Панкрат и спрашивает:

– Ты, добрая странница, почему такие старые башмаки взяла?

– А посмотри, душа моя, какая вокруг красота: травка изумрудная вдоль дорожки стелется, цветы лазоревые по лугам рассыпаны, зеленые рощи кудрявятся, а башмаки эти драные нелепостью своей красоту рушат. Я их в город принесу и брошу там в мусорную яму.

Дивится Панкрат: «Это не бедная, это благолепная странница. Вон как она красоту любит!»

– Верно разумеешь, – говорит Панкрат, – дай мне эти башмаки, я их здесь зарюю в яму.

Как скрылась из виду странница, Панкрат опять башмаки посередине дороги бросил, спрятался и стал ждать.

Идет старичок, борода – стручок, сапоги на нем хромовые с железною подковою. Видит он, лежат посередине дороги старые башмаки, взял их и в мешок свой засунул.

Панкрат догоняет его и спрашивает:

– Дедушка, почему ты старые башмаки взял? На тебе вон какие сапоги дорогие.

– А что добру пропадать? – отвечает старичок, борода – стручок. – Подошва есть, я из нее сделаю домашние чеботочки для жены и дочки.

«Этот старичок, борода – стручок, не бедный, а бережливый. У него, поди, своего добра хватает», – думает Панкрат.

Говорит он старичку:

– Продай мне эти башмаки за два пятака, я тоже хочу сделать чеботочки для жены и дочки.

– За три, – набивает цену старичок, борода – стручок.

– Ты, дед, не промах! – рассмеялся Панкрат. – Ладно, бери три пятака, давай мне башмаки.

Выкупил Панкрат старые башмаки, бросил их опять на дорогу, стал ждать.

Идет нищий: голова лохматая, сума пустоватая, штаны рваные, лапти драные.

«Ну, этот обязательно башмаки возьмет», – подумал Панкрат. А нищий походя пнул башмаки драным лаптем. Улетели они с обочины в траву, он дальше пошел.

Догоняет его Панкрат и спрашивает:

– Почему же ты не взял башмаки? Твои лапти совсем развалились, а башмаки починить можно да сколько носить еще.

– Коли бы мне они попались, когда от моих лаптей лыка не осталось, я бы их надел.

– Ну, взял бы их с собой...

– Я лишней пары обуви не ношу, что есть – все на мне, а другого не надо.

«Это не бедный, а непутевый али блаженный, – думает Панкрат. – Богатство на дороге оставит, коли мешка при нем не будет».

Вот незадача: босоногий башмаки не берет, обутый подбирает!

Решил Панкрат третье испытание устроить, чтоб уж наверняка наибеднейшего найти. Взял он большой каравай хлеба, высушил его так, что каравай растрескался, сверху пылью припорошил и на обочину положил.

«Кто этот каравай возьмет, тот наибеднейший и будет», – решил Панкрат.

Спрятался Панкрат возле обочины, стал ждать. Идет красна девица – в яхонтовых сережках, в сафьяновых сапожках, в косе лента алая. Наклонилась, взяла каравай в белые ручки и понесла его. Что за диво?

Панкрат догоняет ее и спрашивает:

– Ты, красна девица, почему каравай грязный подобрала?

– Да разве можно хлебушек на дороге оставлять? Это грех. Я его домой принесу, пыль обмету, чистой тряпицей оботру и отдам нищим.

«Она не бедная, а праведная», – смекнул Панкрат.

– А ты дай мне этот каравай, я так и сделаю. Не сомневайся, самому наибеднейшему отдам.

Отдала красна девица булку Панкратию. Как скрылась она, Панкрат снова хлеб на дорогу выложил, стал ждать. Идет по дороге молодец. Видит, лежит грязный, сухой каравай. Поднял он его и понес.

Панкрат догнал его и спрашивает:

– Почему ты, добрый молодец, каравай грязный, сухой поднял? Съесть хочешь?

– Я-то нет, а вот птичек небесных покормлю.

«Он, видно, не бедный, а благодетельный», – думает Панкрат.

– А ты дай мне этот каравай, я его наибеднейшему отдам, – просит Панкрат.

– Ну бери, мил человек, – согласился молодец.

Панкрат опять положил каравай на обочину. Идет человек, голова – огуречик, на одежде дырка с дыркой пересвистываются, нитка с ниткой перемахиваются. Увидел он каравай, обрадовался, подхватил его и дальше весело зашагал.

Догоняет его Панкрат и спрашивает:

– Зачем ты сухой и грязный каравай взял?

– Да я пыль обмету, каравай оботру, водичкой размочу и съем.

– Так, значит, ты бедный?! – обрадовался наконец-то Панкрат.

– Какой я бедный? Я богач! С этим караваем три дня сыт буду.

Задумался Панкрат.

Вот я и не знаю, оделил он этого человечка богатством или нет.

2004

БАРАНКА, БУБЛИК И КАЛАЧ

Заспорили как-то Баранка, Бублик и Калач, чья дырка лучше.

Баранка говорит:

– Моя дырка ровная, круглая, как раз по мне: ни большая, ни маленькая.

– И моя дырка по мне, – говорит Бублик, – только она больше твоей. Я большой, и дырка большая.

– А моя дырка, – хвалится Калач, – будет побольше ваших, да и видом краше. Смотрите, какая у меня дырка: не простая – резная, фигурная – недурная, узорная – не позорная.

А Каравай услышал, как Баранка, Бублик и Калач хвастаются и спорят, рассмеялся и говорит:

– Нашли чем хвалиться! Дырка – самое пустое место. Делают вас не ради дырки, а ради того, что вокруг нее.

Люди иные тоже ценят в себе самое пустое, а не то, ради чего их Бог создал.

2004

ПТИЧНИЦА МАЛУША

Было это давно, когда не ходили в кино, не ездили на машинах и на паровозах длинных, а все больше на лошадях и ходили в лаптях.

Служила на царском дворе птичницей бедная девушка Малуша. Была она пригожа, умна, незлобива. За гусями ухаживала, как за маленькими детьми. Утром выгонит гусей с гусятами на лужок, они травку пощиплют, Малуша их на пруд поведет купаться, потом опять на лужок вернется. Хорошая птичница каждого гуся по имени называла, по отчеству величала. Был у нее гусь Гоготун Крыланович, гусыня Длинношейка Ласковна, гусак Забияка Задирович. Все гуси белые как снег, а один гусь черный как ночь, только клюв у него красный. Был этот черный гусь самый красивый, самый любимый. Малуша так и звала его – Черныш Любимович.

Гуси травку щиплют, а Малуша песни поет, венки плетет, на длинные шеи надевает, гусей своих украшает: для каждой гусыни – веночек из полыни, для гусаков – из васильков, для гусятков – из лапчаток.

Вечером она им говорит:

– Гуси мои, гуси, пойдете домой!

А гуси: «Га-га-га» – и гуськом за Малушей на царский двор шествуют.

Вот как-то проезжал мимо зеленого лужка, где Малуша гусей пасла, царский сын Гордей. Возвращался он с охоты, да охота была неудачная: ни одной птицы не подстрелил, ни одного зверя не убил. Видит, пасутся на лугу гуси.

«Дай, – думает, – хоть гуся одного подстрелю, скажу, что на охоте добыл». Зазорно ему было без добычи возвращаться. Пустил он стрелу, сразил одного гуся, промчался мимо, подхватил его – и был таков. Малуша и вскрикнуть не успела. Гуси гогочут, Малуша плачет.

Делать нечего! Привела она свое стадо на царский двор и рассказала ключнице, что убил богатый охотник одного гуся.

Стала ключница ее ругать:

– Где это видано, чтоб охотники на домашних гусей охотились? Ты его продала и плетешь нелепицы. Поди вон со двора! – И прогнала Малушу.

Царевич Гордей тем временем принес подстреленного гуся на кухню. А кухаркой служила тетушка Малуши, Авдотья.

– Приготовь мне, Авдотья, – говорит царевич, – гуся печеного с корочкой золоченой.

Авдотья увидела на гусе веночек из василечков и вскрикнула:

– Так это же Малушин гусь! Вот у него веночек. Малуша так всех своих гусей наряжает.

Смутился царевич, но виду не подал.

– Какой веночек? Это трава запуталась за шею.

– Ах, царевич, признайся, это ты его подстрелил, – стала просить Авдотья царевича. – Ведь ключница оклеветала мою племянницу Малушу: ты, говорит, продала гуся. А Малуша и молвит, что какой-то знатный охотник подстрелил ее гуся. Она не поверила.

– Прогнала так прогнала! Другую птичницу возьмет. Твое дело чугунами да горшками греметь, а не царского сына поучать, – прикрикнул царевич на Авдотью.

Взяла ключница другую птичницу вместо Малуши. А гуси ее не слушаются, громко гогочут, в разные стороны разбегаются. Черныш Любимович крылья растопорщил, стал на новую птичницу шипеть, клювом больно щипать. Прогнал ее, гусей всех собрал и привел к Малушиной избушке.

«Га-га-га», – дескать, веди нас, Малуша, на лужок травку щипать.

Говорит им Малуша:

– Гуси вы мои милые, прогнали меня с царского двора, не могу я вас больше пасти, ступайте домой.

А гуси не уходят, сидят возле Малушиной избушки кружком.

Прибежала ключница, стала ругаться на Малушу, кричать:

– Ты зачем, такая-разедакая, царских гусей к себе сманиваешь, зачем возле своей избушки держишь?!

– Я их не сманивала, они сами пришли, – говорит Малуша.

А гуси Малушу окружили, давай на ключницу шипеть, Малушу защищать. Видит ключница: не принимают гуси никого, кроме Малуши.

– Ладно, – говорит, – иди паси гусей. Только смотри, коли пропадет еще хоть один из гусей – всыплю плетей.

Стала Малуша опять гусей пасти. А царевичу Гордею захотелось взглянуть на Малушу. Что это за птичница такая – гусям венки плетет? Все-таки чувствовал он себя виноватым. Недоблестно себя повел: на домашних гусей охотился.

«Подарю ей, – думает, – дорогой подарок, заглажу свою вину».

Переоделся Гордей в одежду бедного странника, взял с собой шкатулочку с колечком и отправился на лужок, где Малуша гусей пасла. Видит, гуси кружком вокруг Малуши сидят. Кто в ушко ей что-то курлычет, кто бочком к ней приткнулся. Длинношейка Ласковна клювом с косами ее играет, а Черныш Любимович голову на колени положил. Удивился царевич Гордей, никогда такого не видывал.

Говорит он Малуше:

– Разреши, красна девица, отдохнуть страннику на лужке.

– Отдыхай, добрый человек, места много, – отвечает Малуша. – Не поешь ли хлеба-соли? – спрашивает.

– Отчего не поесть, коли угостишь, – согласился царевич.

Малуша узелок свой развязала, платочек расстелила, выложила на платочек коврижки медовые, яблочки наливные – все, что было у нее в узелочке.

– Угощайся, добрый человек.

Сама дала кувшинчик гусю.

– Сходи, – говорит, – Черныш Любимович, принеси ключевой водицы для странника.

Гусь взял кувшинчик в клюв и пошел к роднику за водой. У царевича глаза приболвели от изумления.

– Они что? Язык человеческий разумеют? – спрашивает он.

– А что не разумеет, коли я с ними сызмальства разговариваю? Птичье сердечко чует доброе словечко, как эхо лесное на него откликается. Вот ты, странник, много земель прошел, скажи мне: каких людей больше – добрых или злых?

– Добрых, – отвечает царевич.

– Ну вот, среди людей, которые зло и добро творить могут по воле своей, добрых больше, а птица вовсе зла не знает. Неужели она на добро не откликнется?

Подивился царевич разумности Малуши.

Долго он с ней беседовал, а под конец говорит:

– Хочу я тебе, красна девица, подарок сделать, за то что ты меня накормила, напоила, добрым словом приветила. Вот тебе шкатулочка, откроешь ее, когда я вон до того лесочка дойду.

Достает царевич Гордей шкатулочку, в ладошки Малуше ее вкладывает, сам скоро прочь идет. Как дошел странник до лесочка, Малуша открыла шкатулочку и ахнула: лежит в ней колечко, драгоценным камушком поблескивает, резной узор по колечку вьется. Кинулась Малуша за странником, хотела вернуть такой дорогой подарок, а его и след простыл.

Вернулась она вечером домой со своими гусями и быстрее к тетушке Авдотье побежала:

– Смотри, какое мне колечко странник подарил!

Тетушка взглянула на кольцо внимательно и спрашивает:

– Каков был видом странник?

– Был он кудряв да черноглаз, – отвечает Малуша.

– А знаешь, кто тем странником был?

– Кто?

– Царевич Гордей!

– Неужто он?!

– Точно, он! На колечке знак их царского рода стоит: красный орел с палицей. Такая печать, слышь, у нас на всей золотой и серебряной посуде красуется – на чашах, кувшинах да кубках.

– Зачем же он мне колечко дорогое подарил?

– А ты не разумеешь?

– Нет, тетушка.

– Вину свою за гуся загладить хотел, ведь это же он гуся твоего подстрелил. Гусь, которого царевич Гордей на кухню принес, с твоим веночком был. Сердце у царевича незлобивое, мало ли какой случай выйти может. Ты его прости, Малуша. Вишь, как повинулся перед тобой.

– Я зла на него не держу, – отвечает Малуша.

На следующий день пасла Малуша гусей. Видит, идет к ней вечерашний странник, только одежда на нем не странническая, а царская. Явился к ней царевич Гордей в подлинном своем обличье. Взволновалась Малуша, алый цвет щеки покрыл. Достала она колечко и протягивает царевичу.

– Ты что же, Малуша, не прощаешь меня? – спрашивает царевич.

– Прощаю, – еле слышно отвечает Малуша.

– Прими же тогда подарок мой, коли прощаешь. Я повиниться хотел перед тобой.

Сел царевич рядом с Малушей.

– Угости меня, как вчера, яблочками наливными да коврижками медовыми да пошли гуся своего, Черныша Любимовича, за водой, – просит царевич.

Малуша опять разложила платочек, достала яблоки наливные, коврижки медовые. Видит царевич: Малуша слово молвить боится перед царским сыном, глаз на него поднять не смеет.

– Ты вчера бойчее была, Малуша, – говорит Гордей.

– Так и ты вчера не царским сыном представился.

– А коли я царский сын, разве нельзя со мной беседу затеять?

– Робко мне, – призналась Малуша. – Царская воля над нами начальница.

– Но и царская воля, как и всё, закону Божьему служит. Потому и пришел я прощения у тебя просить, что не по-божески сделал, навредил тебе.

Слово за слово, прошла робость у Малуши – и потекла у них душевная беседа до самого вечера.

На следующий день царевич Гордей опять пришел к Малуше на лужок. Очень уж понравился ему лик ее светлый, речи мудрые. Что и говорить, влюбился царевич в Малушу без памяти, и Малушино сердце тем же царевичу ответило.

Вот уже день не может Гордей без Малуши прожить. Как свободный часок-другой выпадет, бежит на лужок к Малуше.

Прознал царь-государь, что сын его к птичнице на лужок ходит, позвал его к себе и говорит:

– Не зазорно ли тебе, царский сын, к птичнице простой бегать?

А царевич Гордей тут же ему все и выложил:

– Дозволь мне, батюшка, жениться на Малуше. Я ее больше жизни люблю.

– Что?! – грозно вскричал царь-государь. – Да я из иноземных принцесс не всякую в невесты тебе возьму, а простую птичницу не потерплю в царском дворце! Коли не был бы ты у меня единственный сын и наследник, лишил бы тебя царства! Через три дня приедет на

смотрины невеста иноземная, чистых королевских кровей. Будешь ее встречать. А теперь прочь с моих глаз!

Ничего не сказал царевич Гордей, вышел из царских палат.

Через три дня все было готово для встречи иноземной невесты. Гонцы сообщили, что карета ее уже к стольному городу подъезжает, пора царскому сыну встречать невесту. Послал царь за царевичем Гордеем, а царевича нет, не знает никто, куда он подевался. Отправил он тогда слуг своих на лужок, где Малуша гусей пасла. А там ни гусей, ни Малуши.

Понял царь, что сбежал его сын с Малушей. Разгневался он, выслал погоню за ними на все четыре стороны. Догнали царские слуги царевича и Малушу. Приказал царь заточить их в высокую башню, не давать ни еды, ни питья, заморить голодом и жаждой. Пусть, мол, узнает царевич Гордей, любо ли с босоножкой жить, без царской власти и богатства.

Сидят Малуша с Гордеем в высокой башне. Гордей тем счастлив, что царь в живых Малушу оставил и не разлучил их. А царь-государь хитер, у него свой расчет: если сильно любит Гордей Малушу, то не выдержит, когда увидит, как тает она от голода. Коли не сильно любит, то и сам голода не выдержит, женится на иноземной принцессе.

День, два, три сидят Гордей с Малушей в башне, никто им еды, питья не приносит. На четвертую ночь взяла тетушка Авдотья черный платочек, положила в него кувшинчик с молоком да пирожков завязала в узелок.

Пошла на птичий двор, подозвала гуся Черныша Любимовича и говорит ему:

– Вот тебе узелок, отнеси его на башню Малуше и Гордею.

Взял гусь узелок в клюв и полетел к башне. Ночь черна, и гусь черен, и узелок черен. Дозорные его и не заметили. Покормил Черныш Любимович Малушу и Гордея, обратно на птичий двор незаметно вернулся.

Стала так тетушка Авдотья каждую ночь на птичий двор еду и питье ночью в черном узелке носить, а Черныш Любимович на башню летал и узелок Малуше и Гордею передавал.

Хочется гусям хозяйку свою любимую и суженого ее от плена спасти. Полетели они к старой Гусыне-берегине, рассказали все про Малушу, про царевича Гордея. Дала им Гусыня-берегиня волшебный гребень.

– Пусть, – говорит она, – Малуша волосы им расчешет, потом увидит, что будет.

Принес Черныш Любимович Малуше волшебный гребень. Стала она им волосы расчесывать. Волосы у нее вмиг чуть не на версту выросли.

Заплела она длинную-предлинную косу, отрезала ее и говорит:

– Вот нам и веревка!

Темной ночью прилетели к башне белые гуси. Стали гоготать, на дозорных нападать, всячески их отвлекать. А Гордей с Малушей тем временем по косе с башни спустились. Гусь Черныш Любимович до рогу им указывает.

Царь каждый день посылал к Гордею посыльного, чтоб узнать, согласился ли царевич жениться на иноземной принцессе королевских кровей. Вот приходит посыльный, а Малуши с Гордеем нет в башне, только коса длинная с башни свешивается. Царь в ярости опять в погоню слуг своих послал на все четыре стороны.

Летит гусь Черныш, за ним Малуша и Гордей торопятся. Вот видит гусь: показались вдали царские слуги, догоняют они Малушу и Гордея. А вокруг ни рощицы, ни лесочка, негде им укрыться.

Черныш Любимович говорит Малуше:

– Проведи гребнем по траве!

Малуша провела волшебным гребнем по траве – выросла трава высотой с дерево, укрыла беглецов от погони. Вышли они на берег реки, сели в лодку и поплыли. Увидели их опять царские слуги, бросились за ними в челноках да ладьях. Вот-вот догонят.

Черныш говорит Малуше:

– Проведи гребнем по воде!

Малуша провела волшебным гребнем по воде – река вмиг разлилась и в море превратилась. На одном берегу моря беглецы, а на дру-

гом – царские слуги. Теперь уж не догнать им вовек Малушу и Гордея. Поздним вечером вышли Малуша с Гордеем на берег. Кругом земля незнакомая, чужая.

Черныш Любимович им говорит:

– Теперь закопайте гребень в землю и спать ложитесь. Утром увидите, что будет.

Закопали они волшебный гребень на берегу моря, легли спать. Утром просыпаются, видят: стоит на берегу чудесный теремок – резной вершок, вокруг сад цветет, в саду соловей поет. Внутри терема их слуги ждут, есть-пить им несут.

Зажили Малуша с Гордеем в тереме счастливо. Родилась у них первая дочь. И все бы хорошо, да тоскуют и скучают они по отечеству своему, по стольному граду.

Говорит Гордей Малуше:

– Поедем, Малуша, к батюшке, навестим его, может, не гневается он больше.

– Пошлем сначала Черныша Любимовича за море, – говорит Малуша, – пусть узнает у тетушки Авдотьи, гневается ли на нас еще царь-батюшка.

Вот прилетел Черныш Любимович в стольный город, прямо на Авдотьину избушку опустился. Рассказала ему Авдотья, что сильно гневается царь на Гордея и Малушу. Так осерчал, что запретил в своем царстве гусей разводить. О Гордее и Малуше упоминать не велит. Кто их помянет – тому голову с плеч долой.

Вернулся Черныш, рассказал все Гордею и Малуше.

– Не срок еще нам в свое отечество возвращаться, – вздохнула Малуша.

Прошло время, родилась у Гордея с Малушей вторая дочь. Гложет их тоска по земле своей, по отечеству. Опять посылают они Черныша Любимовича за море узнать, гневается ли еще царь на них.

Вернулся Черныш и рассказывает:

– Прилетел я к Авдотье, а она и говорит: «Царь по-прежнему сильно гневается на царевича и Малушу. Не велит никому и слова про них молвить». Решил тогда я сам испытать царскую милость. Залетел в палаты. Царь, как увидел меня, приказал тут же изловить и голову отрубить. Насилу я крылья оттуда унес.

Выслушали его Гордей с Малушей.

– Рано еще нам за море к царю ехать, – говорит Малуша.

Еще проходит время. Родился сын у Малуши. Взяла Малуша нитки шелковые, соткала большой ковер. Вышила на нем море синее, на берегу чудесный теремок – резной вершок, рядом с теремом доброго молодца – царского сына Гордея и себя, Малушу, а с ними две дочери-красавицы да младенец-сынок. Послала она этот ковер с иноземными купцами в подарок царю. А вслед за ними Черныш полетел за море.

Вернулся он и рассказывает:

– Как привезли купцы ковер царю, развернули его, взглянул он на ковер и расплакался: стоят перед ним, как живые, сын Гордей, жена его Малуша, а с ними две дочери-красавицы и младенец-сынок. «Коли объявились бы они сами, обнял бы я их крепко, – говорит царь, – устроил бы великий пир на радостях».

– Вот теперь, – говорит Малуша, – пора нам возвращаться в отечество свое к царю-батюшке.

Взошли они на корабль и поплыли за море. Тайно прибыли в столичный город и сразу к тетушке своей Авдотье явились. Авдотья как увидела их – от радости ох да ах!

– Тоскует и горюет старый наш царь-батюшка, – говорит она. – Повесил ковер в опочивальне своей, всякий день на него любит. «Ах, – говорит, – кабы объявились они, соколик с ласточкой, мог бы умереть спокойно».

– Помоги нам, тетушка, пройти в опочивальню к царю, – просит Малуша.

Помогла им Авдотья пройти в царскую спальню, где ковер висел. Встали они перед ковром так, как вышила их Малуша на ковре. Заходит вечером царь в спальню и глазам своим не верит.

– Батюшки мои! Ожили, ожили! – закричал царь, обрадовался.

Стал он крепко обнимать, целовать сына своего, невестку, внуков.
А после приказал устроить пир.

Был пир велик очень, длился с утра до ночи. Кто на нем не побывал, тот крепко горевал. А я там побывала, всех повидала да и вам про них рассказала.

2004

ИГОЛОЧКА И НИТОЧКА

Хорошо ладили друг с другом Иголочка и Ниточка. Иголочка острым стальным носиком проткнет холстинки, сделает дырочку, за ней Ниточка – юрк. Ниточка холстинки стянет, Иголочка другую дырочку сделает и опять Ниточку за собой вытянет. И так спору у них дело шло: Ниточка за Иголочкой, стежок за стежком. Глядь – и рубаха готова. За ней другая, третья.

Вдруг Ниточка говорит Иголочке:

– Что это все ты да ты первая? Я тоже хочу быть первой!

– Как ты будешь первой? У тебя нет острого носика. Чем холстинки протыкать? – удивилась подружка.

– Как-нибудь проткну. Много ли умения надо!

– Ну, будь первой, – уступила Иголочка.

Ткнулась Ниточка в холстинки:

– Ух какие твердые! Не протыкаются!

Ткнулась опять...

– Фу-ты, не прошибешь!

Как ни старалась Ниточка проткнуть холстинки, ничего у нее не вышло, только смялась да разлохматилась.

– Мудрено дырки в холстине делать, – призналась Ниточка и пристроилась снова за Иголочкой.

Первыми, слышь, не по хотению, а по умению становятся.

2004

ХВАСТЛИВАЯ КУРОЧКА

На зеленой горе, на широком дворе жила-была Курочка-несушка, большая хвастушка. Перышки у нее белые, глаза – бусинки блестящие, на лапках сапожки настоящие.

Вот снесла она яйцо и побежала во двор хвастать, ходит по двору и громко квохчет:

Квох-ко-ко, квох-ко-ко!
Снесла я в курятнике яйцо,
На соломку положила,
Щепочками прикрыла.
Яйцо мое такое:
Белое да большое.

Услышала Кошка, меховая одежда, как Курочка хвастает, пробралась в курятник, нашла яйцо и съела его.

Приходит Курочка в курятник, а яйца нет. Побежала она к Петушку и жалуется:

– Украли мое яйцо!

А Петушок, хвост пестрый, клюв острый, ей и говорит:

– А зачем хвасталась? В следующий раз снесешься – молчи, про яйцо ничего не говори.

Вот опять снесла Курочка яйцо, белое да гладкое, большое да сладкое, всем несушкам на зависть. Вышла во двор, гордость ее распирает, хочется ей похвастаться. Крепилась-крепились, да не выдержала.

«Я, – думает, – похвастаюсь, а про яйцо не скажу».

Вышла она на середину двора и громко закудахтала:

Квох-ко-ко, квох-ко-ко!
Что-то я снесла,
На сеновал унесла,
В уголок положила,
Стебельками прикрыла.

«Вот я какая умница, – радуется Курочка, – и похвасталась, и про яйцо не сказала».

Услышала Кошка, меховая одежда, как Курочка хвасталась, пробралась на сеновал, нашла там яйцо и съела его. Приходит несушка-хвастушка на сеновал, ищет свое яйцо – нет его. Побежала она к Петушку и жалуется, что яйцо украли.

– Ты хвасталась, что яйцо снесла? – спрашивает Петушок, хвост пестрый, клюв острый.

– Нет, про яйцо я и словом не обмолвилась.

– А что ты там кудахтала?

– А вот что:

Квох-ко-ко, квох-ко-ко!
Что-то я снесла,
На сеновал унесла,
В уголок положила,
Стебельками прикрыла.

– Ах ты, глупая несушка-хвастушка! – расходился Петушок, хвост пестрый, клюв острый. – Тут и дураку все ясно! Что куры могут нести, кроме яиц? – Ключнул он Курочку: – Вот тебе наука! И вовсе не говори, что ты несешься.

Прошло время. Снесла Курочка третье яйцо, белое да гладкое, большое да сладкое, всем несушкам на зависть. Уж как она по двору ходила, как гордилась, а сама все крепилась, про яйцо не хвастала. А самой так хочется про него рассказать, себя, несушку, показать.

«Дай, – думает, – скажу я будто и не про яйцо, будто и не я снесла».

Вышла она на середину двора и закудахтала:

Квох-ко-ко, квох-ко-ко!
Кто-то что-то снес,
Куда-то унес.

А кто – не скажу,
Куда унес – не покажу.

Ходит Курочка довольная, что наказ Петушка не нарушала, а все ж таки и похвасталась немножко.

Догадалась Кошка, меховая одежда, что опять снесла Курочка яйцо.

«Как бы, – думает, – узнать, где оно лежит?» Побежала его искать. В курятнике нет, на сеновале нет.

Подходит Кошка к Курочке и говорит:

– Да ты, наверное, снесла яичко величиной со спичку, вот и не хочешь его показывать.

– Квох-ко-ко, квох-ко-ко! – раскудахталась Курочка. – Я снесла яйцо белое да гладкое, большое да сладкое, мое яйцо как от ворот кольцо.

– А я не верю, ты и не показываешь его, потому что оно маленькое, – подзадоривает Кошка, меховая одежда, несущку-хвастушку.

– Иди сама посмотри! – не выдержала Курочка. – Положила я яйцо под деревянное крыльцо.

Вот и догадайтесь, нашла потом несущка-хвастушка свое яйцо под крыльцом или нет.

2004

КАК ПРОКОПИЮ ЖЕНУ ВЫБИРАЛИ

В старину говорили: бери жену на век одну и мужа едина на сто годин. Жену выбирай с приглядкой да прикидкой: каково тебе с ней быть, век жить. Добрая жена – изба счастьем полна, жена злая – горя похлебаешь.

Вот пришло время боярскому сыну Прокопию жену выбирать. А как добрую жену найти? Среди молодых все красавицы – лукавицы: вымоются чисто, наденут монисто, бровки подчеркнут, губки подкраснят, нарядятся в сарафаны шелковые, сапоги парчовые. Любую замуж бери.

Говорит Прокопию его любимая нянюшка:

– Выберу я тебе жену хорошую да пригожую, верную, примерную. Созывай невест, будет для них испытанице.

Стали в город стольный созывать невест для Прокопия: и дворянок, и крестьянок всякого роду-племени. Начали съезжаться невесты: кто с мамками да няньками, кто с братьями, кто с тятями, кто пешком, кто возком. О Прокопии добрая слава шла: хорош, пригож, ласков и щедр. И добра-богатства у него куры не клюют. Многие девицы красные хотели бы женой Прокопия стать.

Как собрались невесты, нянюшка им говорит:

– Вот вам первое испытание. Пусть каждая к завтрашнему дню приготовит для Прокопия блюдо-кушанье да выставит его на столы дубовые.

На следующий день в богатом тереме Прокопия поставили столы дубовые, стали невесты нести блюда-кушанья: кто поросенка жареного, кто язя пареного, кто гуся печеного, кто судака копченого. Принесли и ботвинью с окрошкой, и кашу с бараньей ножкою. Нянюшка между столами похаживает, блюда-кушанья пробует, наливками сладкими да квасами пенными запивает, невест хвалывает. Вдруг видит на столе хлеба каравай да кувшин с водой.

Остановилась она и спрашивает у невесты:

– Ты кто будешь?

– Я Марьюшка, крестьянская дочь.

– Сама каравай испекла?

– Сама.

– А почему ты хлеб и воду принесла?

– Хлеб ко всякому кушанью подают, – отвечает Марьюшка. – Хлеб насыщает, никогда не надоедает. И вода всякий день нужна. Сегодня напешься – завтра опять жаждешь. Хлеб – жена, любовь – вода. Коли жена с любовью в дом придет – муж век ни голодать, ни жаждать не будет.

– Разумные ты речи говоришь, Марьюшка, – сказала няня крестьянской дочери.

Похвалила она всех невест.

– Приходите, – говорит, – невесты дорогие, завтра на второе испытание.

А у самой Марьюшка на уме.

На следующий день собрались невесты. Нянюшка раздала им по мотку черной шерсти, дала каждой мерку и сказала:

– Свяжите по мерке из этой шерсти к завтрашнему дню Прокопию рукавицы.

Всю ночь вязали невесты рукавицы, каждой хотелось к утру успеть. На следующий день принесли, на дубовые столы выложили. Нянюшка каждую рукавицу внимательно осмотрела. Видит, у одной пары рукавичка без пальчика.

– Чья же это рукавичка? – спрашивает няня.

– Моя, – отвечает невеста.

Глядь, а это Марьюшка.

– Что же ты, Марьюшка, одну рукавицу без пальчика связала?

Заплакала Марьюшка:

– Мне шерсти на один пальчик не хватило. Я уж и так прикидывала, и эдак.

– Не плачь, Марьюшка, – улыбнулась няня, – я эти рукавички и высматривала. Ведь в мотке шерсти, что я вам раздала, ниток как раз на один палец не хватало. Не рукоделье ваше мне нужно было. Рукоделью-то за неделю обучиться можно, а правдивостью и честью от колыбели душа напитывается.

Невесты все покраснели. Они-то прибавили ниток, чтобы обе рукавицы с пальчиками вышли.

– Спасибо вам, невестушки дорогие, – сказала нянюшка всем невестам Прокопия. – Завтра назову избранницу.

Но назавтра няня приготовила новое испытание для невест. Сговорились они с Прокопием, что сожгут ночью терем и пустят слух, будто все добро-богатство сгорело, остался, мол, он сир, гол, изувечен. Задержится ли кто из невест? А из тех, которые останутся, и выберут жену Прокопию, решила нянюшка.

Прокопий сначала противился:

– Зачем терем жечь, нянюшка, он дорогой, резной, затейливый!

– Не дороже доброй жены. Ты со своим богатством дюжину таких теремов построишь.

Уговорила няня Прокопия. Ночью вынесли они тайно все добро из терема, схоронили его, а терем подожгли. Вспыхнул он как сухая лучина в печи и сгорел дотла.

Утром невесты стали собираться к терему Прокопия, чтобы узнать, кто же из них избранница. Глядь, а вместо терема – пепелище.

Сидит на пепелище нянюшка, плачет-рыдает, причитает:

– Горе-несчастье у нас случилось-приключилось, невестушки! Сгорел наш терем, а вместе с ним и все добро-богатство. Остался Прокопий гол, нищ да изувечен. Лежит он, голубь мой, в сторожке под рогожкой. Не знаю, согласится ли теперь какая из вас замуж за него пойти, горе да нищету с ним мыкать.

Невесты все потихоньку-полегоньку расходиться стали. Осталась на пепелище одна невеста. Смотрит няня: кто же это? Марьюшка!

– Да зачем он тебе нужен, Марьюшка, без добра-богатства, больной, изувеченный? – спрашивает няня.

– Коли радость я хотела с ним разделить, то и горе пополам.

– Вот такую невесту я искала Прокопию! – воскликнула нянюшка. – Пойдем, душенька моя, к жениху!

Завела няня Марьюшку в сторожку, а там Прокопий – цел и невредим.

– Вот тебе жена, – говорит. – Одна она согласна выйти за тебя замуж, нищего да изувеченного. Принимай невестушку!

Обрадовался Прокопий, взял Марьюшку за белые руки:

– Повести тебя, Марьюшка, пока некуда. Скоро отстроим мы новый терем и свадьбу сыграем.

Так стала Марьюшка женой доброго Прокопия.

МЕЛЬНИЦА И ВЕТЕР

Жила-была старая Мельница. На пригорке она стояла, крыльями махала, молола пшеницу от зари до зарницы.

Хоть не скоро, да заметила Мельница вот что: как она замашет крыльями – ветер тут же появляется, вокруг нее дует, завивается.

«Наверное, – думает Мельница, – власть я над ветрами имею и крыльям моим они повинуются. А ну-ка, проверю, так ли это, понаблюдаю, пригляжусь».

Стала Мельница наблюдать да примечать. Все сходится: только крылья ее задвигаются – ветер тут как тут.

«Так и есть, – решила Мельница, – я владычица ветров. Взмахну крыльями – ветры ко мне летят».

Загордилась Мельница, заважничала.

– Эй, Ветер, знаешь ли, кто твоя повелительница?

– Уж не ты ли? – прошумел Ветер.

– Я! – гордо ответила Мельница. – Как только замашу крыльями, вы, ветры, ко мне прилетаете.

– Ха-ха-ха! – рассмеялся Ветер. – Это я кручу твои крылья. Без меня ты и двинуть ими не сможешь.

– Быть того не может, шаломут нелепый! – крикнула Мельница. – Сколько себя помню, ветры мне подчинялись, по взмаху крыльев ко мне слетались.

– Ах так? Ну покрути своими крыльями без меня! – взвился Ветер и улетел прочь.

Больше он возле Мельницы не появлялся.

Стояла с тех пор Мельница недвижно год за годом, крылья у нее не крутились, мука не мололась. Хозяева забросили Мельницу, она и развалилась.

Иной человек, как эта глупая Мельница, думает, что он всему повелитель, судеб вершитель, и не замечает над собой воли Создателя.

КОМОЧКИ ЗЕМЛИ

Провожали молодых воинов на великую битву. Кого снарядили в поход на дорогих конях с резной сбруей, кому купили позлащенные шиты и драгоценные мечи. А у воина Кирея не было ни дорогих коней, ни драгоценных мечей. Не нажили они с матушкой богатства: отец давно умер, а в доме братьев и сестер мал мала меньше. Сел Кирей на простую буланую лошадку, взял щит кожаный да меч отцовский.

На прощание матушка говорит ему:

– Не печалься, сынок, что нет у тебя ни дорогих коней, ни драгоценных мечей. Вот, возьми три комочка земли: один с пашни, где хлеб растет, другой с жальника, где твои деды и прадеды лежат, а третий из садика, в котором дом наш стоит. Это родная земля, она нас кормила и поила, принимала к себе отцов наших после смерти – она тебе поможет в трудную минуту.

Спрягал Кирей комочки земли себе под сердце, простился с братьями, сестрами и поехал с полком молодого воеводы Путятя на битву.

А сила вражеская несметная подступала к границам. Шел хан Полкан на Русскую землю. Вот и торопился полк Путятя к шатру князя Мечислава на Межень-реке, где собирались все русские силы.

Говорит воевода воинам:

– Чтобы путь спрямить и успеть нам к началу битвы на Межень-реку, поедем через Плешивое болото.

Стали опытные воины говорить, что нет доброго пути через Плешивое болото, все оно в трясиных и омутах.

Молод Путятя, горяч. Нахмурился он и говорит:

– Али вы братьям своим помочь не торопитесь? Коли в объезд поедем – сто верст лишних отмахаем. А напрямки, через болото, пять верст иди.

– Как бы нам всем там не потонуть в трясине – тогда братья наши вовсе помощи не дождутся, – отвечают ему бывалые воины.

– Возьмем проводников знающих, будем гати гатить – пройдем, – стоит на своем Путятя.

Склонил воевода воинов на свою сторону. Свернул полк на Плешивое болото. Стали искать проводников, которые провели бы через болото. Местные все отказываются вести: нет там тропинок для целого полка. Кабы, говорят они, по одному от кочки к кочке прыгать – так пройти можно, а с лошадьми не пробьетесь.

– Будете вести нас от кочки к кочке, а мы будем гати гатить! – приказал Путяга. – Нам каждая минута дорога, потому и надо прямым путем пройти.

Спешились воины, идут через болото. Проводник от кочки к кочке прыгает, воины палки да ветки, бревна на трясину укладывают. Страшное место – Плешивое болото. Торчат сухие ели, все мхом поросли, вороны над воинами кружатся, совы ухают, черная трясина чавкает. Лошади по брюхо в зловонной грязи тонут, воины по колено в черной жиже с трудом пробираются.

Прошли они треть болота, а дальше ступить нельзя. Начали лошади тонуть, трясина их засасывает, все глубже и глубже и воины вместе с ними в болото погружаются. Конец пришел Путягову полку. Кирей уже по грудь в трясине, а от лошади одна голова торчит.

Вдруг слышит он матушкин голос – али почудилось ему:

– Кирей, Киреюшка, брось комочек родной земли в болото.

Достал Кирей комочек земли, бросил его в болото. Тут же почуяли воины под ногами твердую землю. Шаг за шагом – все выше и выше поднимает их твердь из болота. Выбрались они вместе с лошадьми, ни один воин не потонул, ни одного коня не потеряли. Возблагодарил Кирей родную землю и мудрую свою матушку за спасение.

На следующий день прибыл полк Путяты на Межень-реку, к шатру князя Мечислава. Недобрые вести узнали они. Войско хана Полкана скорым ходом движется к их границам, к утру прибует к Межень-реке, а русские войска еще не собрали силы свои. Половина полков в пути, а иные еще и не выступили. Коли подступит завтра враг к границам, неравный бой придется принять.

К полудню следующего дня увидели воины: несметная сила враже-

ская движется к Межень-реке, против одного русского воина – десять Полкановых. Кони их злобны, стрелы острые, щиты крепки.

Встали войска друг против друга, и началась великая битва. Тяжко пришлось русским воинам. Поразит воин одного врага – на его месте пять других стоят. Стали ханские воины теснить и окружать русские полки. Все чаще их победные крики раздавались над полем брани, все чаще падали бездыханными русские воины.

Чудится Кирею опять матушкин голос:

– Брось, Киреюшка, себе под ноги второй комочек родной земли.

Изловчился Кирей, достал второй комочек земли, бросил под ноги. В тот же миг вознесся на этом месте высокий земляной вал. Поднял он русских воинов над иноземцами. Стены у вала крепкие, отвесные, не забраться на них врагам. Стали русские воины обстреливать сверху вражеские полки стрелами, метать в них дротики. Пришли вражеские силы в великое смятение. Что за диво: была равнина без холма, без горочки – и в одно мгновение выросла высокая стена. Дрогнули Полкановы воины, повернули и ускакали прочь в свой лагерь.

Возблагодарил Кирей родную землю и мудрую матушку, за то что во второй раз спасся он с товарищами.

Стали подсчитывать русские воеводы свои потери. Где было десять воинов – остался один, да и тот весь ранами покрыт. А у Полкана сила не истощилась: воинов у него великое множество. Готовится хан Полкан дать новое сражение.

Тревожная ночь настала для русских: словно горсть песку против горы каменной – столько их против вражеских сил осталось. Чуют русские воины: последний рассвет они встретят утром, в последний раз позовут их трубы на смертную битву.

Не спит Кирею. Вдруг чудится ему опять матушкин голос:

– Брось, Киреюшка, третий комочек родной земли в реку пониже Полканова войска.

Встал Кирей и пошел к Межень-реке. Пробрался он тихо мимо вражеских дозоров, спустился к реке ниже Полкановых войск и бросил

в воду третий комочек земли – встала поперек реки земляная плотина, перегородила реку. Стала вода подниматься.

Вернулся Кирей в лагерь и говорит князю Мечиславу:

– Сейчас прибудет вода – все смоем на своем пути, и Полкана с его войском. Надо нам немедля подниматься и уходить прочь.

Велел князь будить воинов, сворачивать лагерь и скрытно от Полкана уходить прочь от берега. Собрались воины и отошли подальше от реки. А река вышла из берегов, ринулась на Полкановы войска и смыла их всех. Потонуло войско вместе с ханом в водах Межень-реки.

В третий раз возблагодарил Кирей родную землю и матушку свою за спасение. Вернулся он домой целым и невредимым.

Вот так: родная земля пуще кольчуг и щитов бережет. И нам беречь ее нужно, хранить от невзгод и защищать во веки веков.

2008

Наталья Налегач

ВЕРА ЛАВРИНА: ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПОРТРЕТ

Вера Леонидовна Лаврина (Правда) – сказочница, поэт, писатель, историк, автор художественных и научно-популярных книг для детей, с 2009 г. член Союза писателей России. В 1997 г. в журнале «Огни Кузбасса» вышла первая подборка стихов, в 2003 г. опубликован первый сборник сказок «Диковинки», за которым последуют и другие: «Пять сестер» (2015), «Пим-найденъш» (2020). Особняком стоят научно-популярные книги писательницы: «История Кузбасса в рассказах для детей от древних веков до нашего времени» (2004) и «История Сибири для детей» (2015), выдержавшие не одно переиздание. Вместе с С. М. Павловым В. Л. Лаврина выступила автором-составителем еще одной научно-популярной книги, важной в культуре региона, «Жизнеописания кузбасских святых» (2013). Новые стихи,

рассказы, повести, притчи, эссе, очерки, сказки писательницы регулярно публикуются в российских литературных журналах «Огни Кузбасса», «Наш современник», «Дружба народов» и др.

Характеризуя сказочный мир, созданный В. Лавриной, следует отметить синтез народно-поэтической и библейской традиций. Сюжеты, мотивы, композиция отсылают к народной сказке, а система ценностей четко соотнесена с христианской. Например, в сказке «Пим-надемыш», давшей название целому сборнику, мы видим образ злой колдуньи Мавры, которая непобедима до поры до времени, но несправедливое поведение приводит ее к гибели в столкновении с живущим по правде царевичем Устином, которому помогают приемные родители-крестьяне да три сестры-угадчицы. И если приемные родители приютили младенца из чувства сострадания, демонстрируя христианское милосердие и смирение, продолжая тему самопожертвования его матери-царицы, то три сестры испытывают героя на близость к реальной жизни (Устин по их загадкам определяет, чем каждая из них занимается – вышивает, вяжет, зерно мелет), без которой нет мудрости, необходимой для управления государством, и помогают ему, потому что он, как и положено герою волшебной сказки, с испытанием справляется. В духе народной традиции венчается сказка не столько победой над антагонистом, сколько торжеством любви (младшую из сестер царевич замуж берет), благодарности (родителей приемных Устин в терем царский забирает) и мудрости («И стали они все вместе жить-поживать, царством мудро управлять»), которые складываются в своего рода формулу счастья, соединяющую авторскую позицию с русской народной традицией, коррелирующей с христианскими ценностями. Тот же синтез виден и в других произведениях, ориентированных на жанровый канон волшебной сказки, например: «Сажика», «Златокудрая Серафима», «Белорыбица» и др.

Не менее важную роль в сказках В. Лавриной играет притчевое начало, актуализирующее нравоучительное задание, но не явно, а индифферентно, что органично оправдано фольклорным присловьем, объ-

ясняющим исконный жанровый закон: «Сказка – ложь, да в ней намек, добрым молодцам урок». Так, в «Агашиных рукавичках», «Половичках из травы», «Пташечке Милашечке» и других сказках героини испытываются на доброту, бескорыстие, отзывчивость, прозорливость, умение сохранить себя. И по законам сказки выдержавшие испытание награждаются, как добрая Катенька или трудолюбивая Фросенька, а не прошедшие его – теряют главное, как это произошло, например, с Соловьем, утратившим голос из желания потакать капризам своей жены, променявшей нежность и любовь на материальное благополучие.

Таким образом, можно видеть, что сказочное чудо в произведениях писательницы становится следствием высоких нравственных качеств, которые открываются в поступках персонажей. Но бывает и так, что чудо происходит не по волшебству (заговоренная косынка угадчицы Людмилы, охраняющая от черной ворожбы Мавры царевича Устина, чудесное наказание Фефелы и одаривание Фроси Прекрасной Девой и т. п.), а становится следствием смекалки, трудолюбия и способности творчески подойти к решению любой задачи, как это можно видеть в «Квасном озере» или в «Как Головешка из печи выбралась». Так от сказки к сказке в галерее добрых героев создается нравственный идеал человека, который любовью, смирением, добротой, отзывчивостью, смекалкой, трудолюбием, созиданием способен преодолеть любые невзгоды и горести, обретая счастье и чудесно соединив небесное и земное.

Эта же потребность в чуде и способность к его обретению пронизывают и лирику автора. Большую часть своих стихотворений В. Лаврина опубликовала в 2006 году в сборнике из шести разделов с самым общим заглавием – «Стихи». Но это заглавие очень точно отражает авторский замысел: перед нами не книга стихов, скрепленная единым метасюжетом, а классическое собрание самоценных и самостоятельных стихотворений, в центре которого раскрытие души в целокупном образе лирического «я». Именно лирическая героиня, ее переживания, уникальность воплощения в мире и составляют основное содержание стихотворений автора.

Пожалуй, главное в лирической героине Веры Лавриной – способность любить, проистекающая из приятия мира и своего места в нем, что зачастую придает ее поэзии тональность благодарственной молитвы Богу за чудо жизни:

В эти летние дни
Нельзя не поверить
В совершенство Творенья.

Мотив чуда – один из ключевых в стихотворениях поэта. Проявления чуда таятся и открываются взгляду лирической героини во всем: во встрече влюбленных, в рождении детей, в пронзительной красоте природы, в способности, открывая глубины родовой памяти, прикасаться к опыту тех, кто жил прежде, воскрешать силой благодарного воспоминания любовь и теплоту сердец близких, в даре творчества. Из всего этого и складывается обретение смысла и полноты жизни, данные в переживании лирической героине:

На улицу, быстрее!
В обнимку с юным летом,
Залившим янтарем
Все просини, просветы,
Просветы меж ветвей,
И листьев, и травинок,
Играющих детей,
Порхающих косынок.
На улицу, быстрее!
Не медли ни мгновенья! –
Бегу! Лишь допишу
Свое стихотворенье.

Тем не менее этот поэтический мир не лишен драматизма. Основная лирическая коллизия рождается из столкновения приятия мира

таким, каков он есть, с чувством ответственности поэта перед Богом и Вечностью. Эта коллизия становится источником энергии становления и развития личности, не дает возможности скрыться за спинами других, так как, с точки зрения поэта:

Жизнь – это вызов
 Для разговора
 Поименного с Богом.

Именно такой взгляд «лицом к лицу» и делает столь значимым и ценным опыт прохождения через жизнь и историю каждой личности. Поэтому так уместна дневниковая манера в цикле «Хронограф». Этим обусловлено и внимание к моментам срыва голоса, бунта, когда лирическая героиня с удивлением обнаруживает, что приятие этой жизни – непростой духовный труд, что любовь не безмятежный подарок, что иногда невероятно сильно хочется остаться одной, оказаться вне предстояния Богу, Вечности и любимым:

Одеялом с головой укрыться,
 Чтобы все от меня отстали,
 Не прикасались ко мне,
 На меня не глазели
 И в комнату, где я лежу,
 Не входили.
 Чтоб не спрашивали:
 «Что мы будем обедать?»
 «И где лежат зеленые колготки?»
 «И что такое есть орфограмма?»
 И чтобы Он не вопрошал меня вечно:
 «А что ты сделала для бессмертья?!»
 Да ничего! Ничего я не сделала
 Для бессмертья!

С бесстрашной честностью лирическая героиня способна признаться себе в том, что может отпадать от долженствования, увидеть в себе следы несовершенства земного падшего мира, уязвленного раной греха, постигая тем самым глубинную сущность смирения, открывающего не только раны уязвленной совести, но и возможность спасения. Этой бесстрашной честностью пронизаны такие стихотворения, как «Моя душа, Господь...», «Возвращаюсь из храма...», «Всего лишь...», «Ты обнял меня...», «Не остыла слеза благодати...», «Все считала себя хорошей...», «Прячу от нищей глаза...», «Тяжкое снилось: вместо иконы...» и др.

И все же образ лирической героини в целом выписан более легкими и нежными тонами, раскрывающими глубинную женственность. Это раскрытие зачастую осуществляется посредством одного сдержанного жеста, мгновенного движения души, финального смещения аспекта восприятия, как, например, в стихотворении «Помню я и сейчас все свои детские платья...». Сентиментальное путешествие в детство посредством воспоминаний, не лишенных юмора и временами даже самоиронии, вдруг открывает чувства любви и благодарности, которые лежат в основе отношений родителей и детей, несущих в себе более высокий отсвет сакральности, предстающей не в холодно-небесной гамме, а в простой и понятной радости, расцветающей в душе человека эдемским отражением:

Мои детские платья, вы были просто одеждой,
Хоть и полной значенья для ребячьего лада,
Но теперь ваши ситцы, шелка и поплины нежно
Распускаются в памяти, как цветы библейского сада.

Поэтический мир Веры Лавриной не исчерпывается домом и книгами. Остро и пронзительно время от времени звучит в нем и социальная тема, особенно сильно обозначившаяся в стихотворениях 1990-х годов.

Это лучше, что так я живу –
 Не стыдно смотреть в глаза
 Тем, кто не покупает сыр.

Для поэтической манеры Веры Лавриной характерен лаконизм. Закономерно, что преобладающей формой становится трехстишие, в котором уловлено и запечатлено одно движение души, вызвавшее вспышку удивления чудом или, напротив, нелепицей происходящего. Благодаря тому что позиция автора в целом предстает четко оформленной и основанной на единой и непреходящей гуманистической системе ценностей, такая искристая фиксация мгновенных впечатлений создает своеобразное лирическое мерцание, не позволяющее художественному миру поэта застыть в некоем монументальном единообразии, обеспечивая динамику чувств и передачу духовного роста лирической героини. Эта же манера как нельзя лучше соотносится с классической, практически забытой и оттого еще более ценной культурой сдержанности, когда чувство не обрушивается на читателя во всей своей непроясненности, а оформлено высветляющей его мыслью, стремлением автора к осмысленности существования в бытии. Но при этом автор очень чуток к тому, чтобы в эмоции продолжала трепетать энергия душевного переживания, а рациональность сдерживалась сердечностью, отчего и рождается ощущение легкого лиризма. Сдержанная эмоциональность нарастает и в композиции сборника, находя выражение в движении от классических форм к трехстишиям и шестисловиям.

Следует отметить, что последний раздел сборника «Шестисловия» буквально состоит из дистихов по шесть слов в каждом, что способствует выражению смысловых сгустков. Интересно в них акцентирование визуально-живописного и аудиально-музыкального типов восприятий, дающих импульс лирическому отклику. Одним штрихом создается вспыхивающий образ, развитие которого уже в восприятии читателя прорастает отзвуками смыслов и чувств. В этой технике автор